

Закаты у моря всегда необыкновенно красивы: сияние, словно расплавленное золото, медленно тает в таинственной глубине моря и неба, напоминая о крае света, который людям не дано отыскать.

Волейбольную сетку на пляже уже сняли. Приятель, запихивая сетку и стойки в рюкзак, что-то прокричал Чэн Цзайе. Тот, склонив голову, прислушался, а затем, рупором сложив руки у рта, крикнул в ответ: «Ладно!» После этого он подошёл к Цзян Шоуяню.

В это время солнце уже не пекло, но Цзян Шоуянь всё равно забился в последний островок тени. За один день вряд ли можно сильно загореть, но когда разгорячённый Чэн Цзайе присел рядом на корточки, Цзян Шоуянь, сравнив цвет их кожи, подумал, что тот, кажется, заметно потемнел — и от этого стал выглядеть ещё более диким и притягательным. Разгорячённый игрой, он говорил напористой обычного.

— Они договорились поужинать вместе, — Чэн Цзайе вытащил из рюкзака цветастую рубашку и собрался её надеть. — Пауло сказал, что Мартим тоже придёт, он днём...

Цзян Шоуянь вдруг сжал его предплечье. Чэн Цзайе замер, опустив на него взгляд. Цзян Шоуянь отпустил и указал на его плечо:

— Там остался песок.

— А, — отозвался Чэн Цзайе. Обычно он не обращал внимания на такие мелочи, но сейчас аккуратно смахнул песок с плеча, а затем молча замер, словно пытаясь вспомнить, на чём остановился.

Цзян Шоуянь подсказал:

— Ты говорил, что Мартим тоже придёт.

— А, точно, — Чэн Цзайе натянул рубашку. — Пауло звал его присоединиться днём, но он сопровождал маму в больницу, поэтому сказал, что будет к ужину.

Чэн Цзайе наклонился за маленьким рюкзаком, лежащим у ног Цзян Шоуяня. Большой палец скользнул по лямке, он закинул рюкзак на левое плечо и снова нагнулся, протянул руку всё ещё сидящему Цзян Шоуяню:

— Пойдём, пошли вместе.

Ладонь была сухой, линии на ней чёткими, а на основании ладони и подушечках пальцев чувствовались тонкие мозоли. Цзян Шоуянь вложил свои пальцы в его руку и кивнул:

— Хорошо.

В будние дни, когда все заняты работой, собраться такой компанией удавалось редко, поэтому после ужина никто не спешил расходиться. Они нашли бар у моря, чтобы выпить и поболтать. Цзян Шоуянь почти никого не знал, поэтому сидел в уголке дивана, маленькими глотками потягивая коктейль. Перед ним располагались круглый стол и ряд диванов напротив; в панорамном окне во всю стену — море и закат.

Чэн Цзайе, закончив телефонный разговор, вошёл внутрь, разминутся с несколькими официантами — и вдруг замер. Время танцев ещё не наступило, в баре было немногочленно и тихо, атмосферу оживляла только группа его друзей. Их лица сияли улыбками, когда разговор касался чего-то особенно интересного, кто-нибудь вскакивал, размахивая руками и пританцовывая, что вызывало новый взрыв смеха и аплодисментов.

Взгляд Чэн Цзайе остановился на Цзян Шоуяне. Он совершенно не вписывался в это веселье: просто сидел, опустив глаза, медленно пил свой напиток и безучастно смотрел на закат за окном. Но стоило кому-то из друзей обратиться к нему, как он тут же подхватывал беседу, уголки его губ изгибались в естественной, элегантной улыбке, словно одиночество было лишь иллюзией в глазах Чэн Цзайе, порождённой мельканием разноцветных прожекторов бара.

Когда Цзян Шоуянь слушал кого-то, он вежливо смотрел на собеседника. Чэн Цзайе изучал линию его челюсти и шею, открывавшиеся при повороте головы. Он вспомнил, как днём на пляже помогал ему подняться: в руке ощущалась такая лёгкость, словно он ухватился за дуновение ветра. Слишком худой. Кажется, он стал ещё стройнее, чем вчера.

Луч золотого света из окна упал на мягкие чёрные волосы Цзян Шоуяня, и у Чэн Цзайе тревожно сжалось сердце: ему почудилось, что жизненная сила этого человека капля за каплей утекает вместе с уходящим закатом.

— Zephyr! — кто-то за столом заметил его и помахал рукой. — (Чего застыл? Иди сюда!)

Чэн Цзайе качнул зажатой меж пальцев сигаретой, показывая, что хочет ещё покурить. Приятель кивнул в сторону остальных, мол, какая разница, тут и так дымят всюю. В окутанном дымом уголке кто-то с сигаретой в зубах шутливо пихнул его кулаком. Чэн Цзайе рассмеялся, снова сел, усмехнулся вслед за ним и направился к диванам. Сумка Цзян Шоуяня лежала по одну его руку, Чэн Цзайе устроился по другую. Разговор исчерпал себя и утих. Цзян Шоуянь посмотрел на Чэн Цзайе. Тот поставил на стол переданный другом бокал, повернулся и спросил:

— Хочешь домой?

Цзян Шоуянь скользнул взглядом по Мартиму, который пришёл совсем недавно. Он задержался из-за пробок, пропустил ужин, только сейчас разговорился и с энтузиазмом строил дальнейшие планы на вечер. Цзян Шоуянь не любил портить людям настроение, поэтому тихо ответил:

— Давай ещё немного посидим.

— Хорошо, — ответил Чэн Цзайе. Он отвернулся, посмотрел на бокал на столе, а потом вспомнил о сигарете, всё ещё зажатой между пальцев. Хотя здесь было не так душно, как в закрытой кабинке, дым всё равно мог побеспокоить сидящего рядом. Поэтому Чэн Цзайе повернулся к Цзян Шоуяню, качнул рукой с сигаретой и спросил: — Не против?

Цзян Шоуянь посмотрел ему в глаза. Ему показалось, что Чэн Цзайе чем-то расстроен. Когда он выходил, всё было нормально. Это из-за телефонного звонка?

— Не против, — ответил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе щёлкнул зажигалкой. Он был высоким и длинноногим, поэтому занимал больше места, чем другие, но диван был тесным, и Чэн Цзайе машинально придвинулся ближе к Цзян Шоуяню. Из-за этого при каждом движении он невольно касался его руки.

Ткань шуршала. Тёмно-синий свет бара падал на плечо Чэн Цзайе. Цзян Шоуянь сменил позу, сев боком и прислонившись спиной к углу между подлокотником и спинкой. Он видел, как слегка двигается кадык Чэн Цзайе, как мышца на шее тянется к ключице и скрывается под воротником рубашки. Взгляд скользнул выше, к переносице и надбровным дугам Чэн Цзайе. У него была яркая внешность: черты лица резкие, с чёткими ясными линиями, ресницы чёрные, длинные, каждую можно рассмотреть в отдельности.

Вдруг Цзян Шоуянь увидел, как дрогнули эти длинные изогнутые ресницы, и на него, сквозь окрашенную прожекторами в красный цвет дымку, посмотрели золотисто-карие глаза. Цзян Шоуянь чуть приподнял подбородок и спросил:

— Дай затянуться.

Вокруг звучал громкий смех, и Чэн Цзайе толком не расслышал слов, но, глядя на шевелящиеся губы Цзян Шоуяня, всё понял. Не раздумывая, он чуть наклонился и протянул сигарету, но Цзян Шоуянь не стал брать её в руки. Опираясь на кожаный диван, он запрокинул голову и затянулся прямо из рук Чэн Цзайе. Губы обхватили фильтр, коснувшись подушечек пальцев. Цзян Шоуянь неторопливо затянулся, затем приоткрыл рот и, не двигаясь, выпустил облачко дыма, которое прожектор окрасил фиолетовым.

Цзян Шоуянь заметил, как отчётливо дёрнулся кадык Чэн Цзайе, а посмотрев выше, встретился со взглядом опасного зверя. Цвет глаз Чэн Цзайе был прозрачно-янтарный, как у хищников. Обычно, благодаря мягкому и весёлому характеру, его взгляд казался ленивым. Но не сейчас. В холодном свете фиолетовой лампы в них плескался прямой и опасный блеск.

Цзян Шоуянь сделал вид, что ничего не заметил. Он снова лениво откинулся на спинку дивана, слегка запрокинул голову и до конца выдохнул остатки тающего дыма. Рука Чэн Цзайе едва заметно дрогнула.

Напротив внезапно вскочил Мартим:

— (Придумал!)

Цзян Шоуянь перевёл на него взгляд. Чэн Цзайе отвернулся, откинув голову на спинку дивана, его поза была несколько скованной. Он опустил глаза на сигарету в пальцах, затем медленно поднёс её к губам и затянулся. В носу стоял очень слабый, едва уловимый аромат вина — то ли от фильтра, то ли от подушечек пальцев.

Мартим взволнованно заговорил:

— (Присутствующих, кроме Райли и Пауло, я вижу впервые. Очень рад знакомству и хотел бы узнать всех получше, но просто сидеть и болтать — скучно. Давайте сыграем в небольшую игру.)

Мартим не зря слыл гением общения: из-за частых командировок у него везде были знакомые, и с каждым он умудрялся выстроить такие же отношения, как с Цзян Шоуянем — вроде и не слишком близкие, но достаточно тёплые. Посиделки в барах и подобные игры тоже были его стихией. Неизвестно откуда он достал колоду карт и пересчитал присутствующих — четырнадцать человек. Мартим оставил масть червей и джокера:

— (У меня в руках четырнадцать карт, я раздам их всем по очереди. Тот, кому достанется джокер, назовёт любое число и задаст вопрос. Если выбранный человек не хочет отвечать, он пьёт. Как вам идея?)

Все с энтузиазмом поддержали идею, кроме двоих на диване. Один лениво потягивал напиток, другой, опустив глаза, о чём-то думал. Когда очередь дошла до Чэн Цзайе, тот всё ещё тупо смотрел на свои пальцы. Пауло ткнул его локтем:

— (Не ты же днём повредил руку, что разглядываешь?)

Чэн Цзайе вздрогнул от неожиданности и локтем случайно задел сидящего рядом Цзян Шоуяня. Он поджал губы:

— Извини.

— Ничего страшного, — Цзян Шоуянь остался в той же расслабленной позе и вскинул подбородок. — Передашь карту?

Цзян Шоуяню не везло: в первых раундах его выбирали часто. Поскольку он был другом, которого привёл Чэн Цзайе, и мало кто его знал, вопросы задавали чисто символические и простые.

— (Зачем приехал в Лиссабон?)

— (Развеяться.)

— (Почему выбрал именно это место?)

Цзян Шоуянь задумался и ответил:

— (Наверное, потому что именно в этом городе впервые увидел море. Я учился и работал в глубине материка. Во время летних каникул на третьем курсе волею случая приехал сюда с преподавателем по проекту. В перерыв всегда гулял по набережной: солнце было тёплым, а пейзаж — прекрасным.)

Отвечая на вопросы, Цзян Шоуянь сидел уже не так расслабленно, как раньше. Иногда он наклонялся, чтобы дотянуться до бокала на столе, и во время одного из таких движений из-под воротника, скользя по цепочке, выпало кольцо.

Небо уже окончательно почернело, лишь на горизонте за панорамным окном тлела красная полоска заката. Хотя в баре царил полумрак, лучи прожекторов периодически выхватывали детали, и все смогли разглядеть кольцо на шее Цзян Шоуяня. Реакция у всех была примерно одинаковой: сначала секундное замешательство, потом взгляд на Чэн Цзайе.

Они были друзьями Чэн Цзайе, хорошо его знали и понимали, что он не тот человек, который станет водить за собой кого попало. Чэн Цзайе ничего не сказал, лишь опустил голову, глядя на свою карту. Это был джокер. Он помолчал, а затем наугад назвал число:

— Семь.

Сидящий рядом Цзян Шоуянь перевернул карту. Червонная семёрка.

— Опять я, — он, казалось, уже опьянел. Голос звучал тягуче и лениво, взгляд расфокусировался.

Цзян Шоуянь бросил карту на стол, снова взял наполненный до краёв бокал, откинулся на спинку дивана и посмотрел на мужчину рядом. Он перешёл на китайский:

— О чём ты хочешь спросить?

Чэн Цзайе крепче сжал карту в руке. Его взгляд упал на шею Цзян Шоуяня, вопрос прозвучал прямолинейно:

— Я хочу знать, что означает это кольцо. Прошое, настоящее или будущее?

Он смотрел прямо в глаза Цзян Шоуяню. Тот, похоже, не ожидал, что Чэн Цзайе заинтересует кольцо. Он провёл указательным пальцем по ободку и, прищурив глаза в ставшем оранжевым свете прожектора, улыбнулся:

— Оно означает... прошлое.

Пауло, взглянув на лицо Чэн Цзайе и поняв, что ситуация не критичная, начал шуметь:

— (Фол! Фол! Что за вопросы, которые нам нельзя слышать? В следующий раз говорите по-португальски! Не пользуйтесь тем, что я не понимаю китайский!)

Сдали карты для нового раунда. На этот раз джокер достался Цзян Шоуяню. Казалось, он с трудом держится от усталости. Он достал сигарету из пачки, прикурил и, выдыхая дым, небрежно бросил:

— Шесть.

Чэн Цзайе взглянул на свою карту и с редкой для себя растерянностью сказал:

— Это я.

Пауло вытянул шею, заглянул в карты, а потом снова отпрянул, хихикая:

— (Ну и карма у вас двоих!)

Цзян Шоуянь тоже немного удивился, но тут же рассмеялся — глаза лукаво прищурились, в улыбке проскользнуло что-то озорное и порочное. Сердце Чэн Цзайе пропустило удар.

Вдруг на сцене заиграла музыка, наполнив тишину. Свет прожектора стал розовым, двусмысленно и томно подсветив приподнятый уголок глаз Цзян Шоуяня. Он начал медленно наклоняться, приближаясь всё ближе. Чэн Цзайе почувствовал запах табака и алкоголя, но этот запах, принадлежащий Цзян Шоуяню, не вызывал у него отвращения. Горячее дыхание коснулось уха.

— Чэн Цзайе, — позвал его по имени Цзян Шоуянь и неторопливо спросил: — О чём ты думал, когда я затягивался твоей сигаретой?

В голове у Чэн Цзайе мгновенно зашумело.

<http://bllate.org/book/14908/1340827>